

Теория образования и обучения

Михаил Антонович Гусаковский, доцент, кандидат философских наук, методист высшей квалификационной категории Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета, г. Минск

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС ВОСПИТАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ: СМЕНА ПРАВИЛ ИГРЫ¹

Автором проведён критический анализ двух видов дискурса: «самоопределение личности» и «забота о себе». Рассмотрены основные значения дискурса «забота о себе», его основные составляющие, как они представлены в философии М. Фуко. Предлагается первичная стратегия практик воспитания в современном университете, продуманная дискурсом «забота о себе».

Ключевые слова: Фуко, историческая традиция, воспитание, самоопределение, «забота о себе», психология, знание, практика, дискурс

Ситуация

Современное образование обнаруживает себя в ситуации некоторого смыслового коллапса, который препятствует или чрезвычайно усложняет организацию прежде всего процессов воспитания. Отметим лишь некоторые обстоятельства, свидетельствующие об этом.

Первое обстоятельство может быть обозначено как разрыв традиции — необходимого условия и предпосылки лю-

бого воспитания. Согласно Х.-Г. Гадамеру, для успешного понимания «необходимо постоянно вести диалог с изучаемым преданием, текстом, событием, постоянно вопрошать традицию»². Прислушиваться к традициям, стоять на традициях, апеллировать к традициям — вот, по мнению Гадамера, путь истины. В воспитании действия живой традиции и действия исторического исследования образуют деятельное единство³. Полу-

¹ См. Гусаковский М.А. Современный дискурс воспитания в университете: смена правил игры // Дискурс университета (Материалы Международных научно-практических конференций, Минск, 2010, 2011 гг.) / Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования БГУ. Под редакцией А.А. Полонникова. Мн., 2011. С. 71–89.

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики; пер. с нем. И.Н. Буровой [и др.]. М., 1988. С. 15.

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики; пер. с нем. И.Н. Буровой [и др.]. М., 1988. С. 336.

чению эффектов в деле современного воспитания, по нашему мнению, препятствует, с одной стороны, привычка мыслить в прежних категориях, в категориях прежней ситуации — некритическое следование традиции. С другой стороны, полное отсутствие оснований и ориентиров критического отношения к последней. При понимании того, что передано нам исторической традицией, происходит не просто постижение смысла тех или иных текстов, но вырабатываются определённые представления и постигаются определённые истины сегодняшнего дня. Понимание происходит «в верности традиции, то есть одновременно и в критическом размежевании с ней»⁴. Второе обстоятельство назовём «потерей исторической ориентации», связанной с возрастанием неопределённости будущего. В образовании чрезвычайно важно иметь свои выработанные представления о времени — как прошлом, так и будущем. Образование направлено в будущее, и без его экспликации практическое действие воспитания становится затруднительным, если не невозможным.

Третье обстоятельство связано с отсутствием средств анализа, экспликации наличной ситуации настоящего. Марксизм, ещё вчера выступавший в роли такого универсального средства понимания социальных процессов, сегодня утратил способность быть единственным догматическим основанием прочтения и описания наличных ситуаций. Без подобного понимания воспитание превращается в суету. В итоге мы имеем ситуацию посттравматического синдрома, наша память теряется в догад-

ках по поводу того, что ей необходимо помнить, а что — забыть. Напомним удачное выражению Фуко, что «образование есть игра памяти и забывания». По сути, современную ситуацию в воспитании можно обозначить как ситуацию поиска меры и новых правил игры памяти. В ситуациях разрыва мы стоим перед необходимостью сменить дискурс — порядок речи о предмете. Сегодня на наших глазах рождается новый дискурс воспитания, который, вслед за М. Фуко, мы предложили бы назвать как «забота о себе». При этом осмелимся утверждать, что прежний дискурс «самоопределение личности» утрачивает своё определяющее значение. На некоторых аспектах этого тезиса мы и остановимся в данной статье.

ДИСКУРС «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ» V/S ДИСКУРС «ЗАБОТА О СЕБЕ»

Сменить порядок речи — за этим нашим призывом стоит пожелание сменить наше рассуждение, основанное на процедурах мышления в категориях замкнутых монолитных систем, выступающих в роли всеобщих организационных структур, на мышление в категориях «я-локальности».

С самого начала постараемся определить, какой смысл и какие практики стоят за нашим стремлением к самоопределению. Прежде всего это практики и мотивы к установлению путём саморефлексии границ собственного Я и организации усилий по удержанию этих границ. В основе практики самоопределения, понимаемой в общепринятом смысле, лежит совершенно определённая практика работы со своими желаниями — подавления и вытеснения, по существу — репрессии своих желаний.

⁴ Хайдеггер М. Тезис Канта о бытии // Философия Канта и современность: Сб. переводов, ч. 2. М., 1976. С. 18–25.

Мы не выступаем против необходимости установления и удержания границ, мы возражаем против культивирования названных практик как единственных. Мы полагаем, что эти практики должны быть соподчинены с практиками, проистекающими из дискурса заботы о себе.

Напомним, что концепт заботы присутствовал в разработках современных педагогов. Прежде всего это работы И.П. Иванова и О.С. Газмана (Иванов, 1982; 1989; Газман, 1989; 1995а; 1995б; 1996). Однако в работах указанных авторов забота интерпретировалась, во-первых, в традиционном смысле — как забота о дальних и ближних. При этом практики заботы сосредотачивались вокруг заботы о других, не о себе. Во-вторых, указанные практики выступали в педагогической системе преимущественно как средство организации коллектива. В них, правда, присутствовал мощный заряд этической индивидуализации коллективного действия, однако он присутствовал лишь как скрытая возможность. Понадобились достаточно большие усилия, в частности сотрудников лаборатории О.С. Газмана, чтобы этот потенциал сделать предметом открытого рефлексивного анализа. Так появилась концепция педагогической поддержки. В её основу была положена организация деятельности педагога по поддержанию усилия ребёнка стать другим. Общая идеологическая направленность указанной концепции достаточно тесно коррелировала с концептом «забота о себе».

Богатое содержание, таящее в себе, по нашему убеждению, большой образовательный потенциал, ещё не использованный современной педагогической наукой и практикой, заложен в концеп-

ции «забота о себе», разработанной в современной философии М. Фуко. Именно на аналитике и потенциальных образовательных возможностях данного концепта мы и хотели бы остановиться более подробно.

КОНЦЕПТ «ЗАБОТА О СЕБЕ»

Напомним, что концепт заботы разрабатывался в современной философии в трудах Ф. Ницше и М. Хайдеггера. В устах последнего он звучал как призыв заботы о бытии. «Забота как бытие присутствия» — так называлась одна из глав знаменитого философского произведения XX в. «Бытие и время».

Именно структуру человеческого бытия в её целостности Хайдеггер обозначает как заботу. Она представляет собой единство трёх моментов: «бытия-в-мире», «забегания вперёд» и «бытия-при-внутримировом-сущем». То есть забота, по Хайдеггеру, есть целостная структура, которая означает «быть-всегда-уже-впереди-себя-в-мире-в-качестве-бытия-при-внутримировом-сущем»⁵. Здесь мы хотели бы согласиться с мнением немецкого исследователя В. Шульца о том, что хайдеггеровская философия представляет собой завершение философии субъективности, поскольку *Dasein* — как некоторая самость — определяется из себя самого посредством заботы⁶. Основанием методологически ориентированного трансцендентального движения фундаментальной онтологии, разрабатываемого Хайдеггером, является «бытие в мире» как формальное основание эмпириче-

⁵ Хайдеггер М. Бытие и время; пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1997. С. 192.

⁶ Shulz W. Ueber den Philosophiegeschichtlichen Ort Martin Heideggers / Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werks. Weinheim, 1984. S. 95–140.

ской множественности способов осуществления субъективности.

Как отмечают современные исследователи творчества немецкого мыслителя, существенным в понятии «забота» является практический мотив. Определение бытия Dasein не просто как объективно значимого (теоретического) мотива, но как некоторой деятельности, обозначаемой Хайдеггером термином «забота» (die Sorge), придаёт его трансцендентальной онтологии характер практической философии. Тезис о бытии Dasein как заботе позволяет ему совместить средневековую онтологию (и теологию) реального мира и новоевропейскую трансцендентальную философию (субъективности)⁷.

Ставцев так поясняет значение и смысл понятия «забота», вводимого Хайдеггером в разряд основополагающих понятий европейской философии XX в. Забота является практической деятельностью, отличной от теоретической интенциональности сознания в феноменологии Гуссерля. Всё дело в том, что центральный вопрос фундаментальной онтологии не просто вопрос о возможности познания, но вопрос о смысле бытия, а потому познание понимается Хайдеггером как образ действий (поведение) субъекта, который, следуя этому своему пониманию бытия, проявляется не в том, чтобы быть субъектом познания, но всегда уже действует во множестве, а теоретических отношений к миру. В этой связи тезис о «зависимости бытия от заботы» как раз и означает, что вопрос о бытии является вопросом

практической философии. Этим обозначен трансцендентальный горизонт онтологической темы. Забота как бытие фактического Dasein выявляет одновременно свою трансцендентальность⁸. Таким образом, вводя концепт «забота», Хайдеггер связывает его с индивидуализированным практическим действием субъекта. Вся трудность адекватного понимания термина «забота» (die Sorge), вероятно, состоит в том, что он имеет у Хайдеггера два смысла: онтический и онтологический. В этом переходе от онтического понимания заботы к онтологическому можно, на наш взгляд, увидеть смысл формулирования знаменитой хайдеггеровской онтологической терминологии вообще. Сначала Хайдеггер проясняет термин «забота» в онтическом смысле: «Титул «озаботиться» имеет ближайшим образом своё доначное значение и может значить: что-то исполнять, устраивать, «доводить до ума». Выражение может также подразумевать: чем-то озаботиться, в смысле «что-то себе раздобыть». Далее, мы употребляем его в характерном обороте: я озабочен, что предприятие не удастся. «Озабоченность» значит здесь что-то вроде опасения⁹. Напротив, утверждает далее Хайдеггер, выражение «озаботиться» как онтологический термин необходимо для обозначения возможного бытия в мире. Оно становится онтологическим понятием, смыслом всех онтических определений этого термина. Иными словами, происходит формализация онтического смысла заботы. «Формально-экзистенциальная целостность онтологического структурного целого Dasein

⁷ Ставцев С.Н. Трансцендентальный характер фундаментальной онтологии Хайдеггера / Метафизические исследования. Вып. 6. Сознание. Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. 1998. С. 125–136.

⁸ Там же.

⁹ Хайдеггер М. Бытие и время; пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1997. С. 57.

должна поэтому быть схвачена в следующей структуре: вперёд–себя–уже–бытие–в–(мире) как бытие–при (внутри-мирно встречном существе). Этим бытием заполняется значение титула «забота», употребляемого чисто онтологически-экзистенциально»¹⁰.

Переход к формально-онтологическому смыслу заботы (впереди–себя–бытие) от её онтического смысла означает, что мы не просто вновь и вновь заботимся о чем-то, но всегда заботимся. И такого рода превращение заботы в нечто всеобщее и является её априорно-онтологическим смыслом. Онтологический смысл заботы имеет, в отличие от онтического, характер «трансцендентальной всеобщности». Априорность заботы становится очевидной, поскольку она возникает из вопроса о целостности бытия в мире как формальном основании. Хайдеггер говорит о «трансцендентальной всеобщности» феномена заботы, «какую задаётся почва, по которой движется любое онтически-мировоззренческое толкование Dasein»¹¹.

Изменение места субъекта как философской категории, заданное Хайдеггером как традиция, повлекло за собой сдвиг в понимании практических вопросов (роли интеллектуала, соотношения теоретического и практического гуманизма и т.д.), оказало большое влияние на педагогическую теорию и философию образования.

Своё дальнейшее развитие концепт «забота о себе» получил в трудах известного современного французского

философа М. Фуко, который основное внимание при разработке данного концепта уделил практикам субъекта, направленным на самоизменение. Как указывают современные исследователи его творчества, Фуко поставил много неожиданных вопросов о субъекте и задал принципиально новую перспективу для видения самой проблемы. Для него субъект не сущность, а событие, момент особых подвижных стратегий субъективации [assujettissement], некое поле, образуемое действием сил знания и власти, которые прилагаются извне, но также преломляются изнутри. Стратегии субъективации — способы подчинения себя, формы господства общества над субъектом, но и его власть над самим собой, дисциплина, а также и самодисциплина, контроль и самоконтроль. Субъект — это эффект власти, властвующей над собой, эффект знания, обращённого на себя, морали, судящей собственную систему регулятивов. Вне этой диспозиции субъекта не существует¹².

Фуко выделил в качестве основных эпох формирования субъекта греческую, сократо-платоновскую, эллинистическую, христианскую, новоевропейскую эпохи. По мысли Фуко, в античности «забота о себе» являла собой основу человеческого опыта вообще. Выделялись конкретные правила и техники такой заботы (искусства существования), посредством которых человек формировал сам себя. Согласно Фуко, у древних греков искусства являли собой определённые формы знания — управления собой, управления собственным имуществом и участия в управлении полисом, которые согласовывались друг с дру-

¹⁰ Хайдеггер М. Бытие и время; пер. с нем. В.В. Бибихина. М., 1997. С. 57.

¹¹ Ставцев С.Н. Трансцендентальный характер фундаментальной онтологии Хайдеггера / Метафизические исследования. Вып. 6. Сознание. Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ. 1998. С. 124–125.

¹² Мишель Д.В. Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия» до «Заботы о себе»: Материалы лекционных курсов 1996–1998 гг. Саратов, 1999. С. 6.

гом. С точки зрения Фуко, у греков возникло отношение, которое устанавливала сила сама с собой (власть и самость, воздействующие на себя самое: предполагалось, что только свободные люди, могущие властвовать над собой, могут властвовать над другими). В классической Греции забота о себе в то же время выступала как забота о другом, об обществе и истине. В период эллинизма эта связь разрушается, и это достижение индивидуализации субъекта как уникального сущего. В христианской культуре «искусства существования» перерабатываются в практики религиозной жизни, а в современной культуре субъект и вовсе теряет власть над практиками заботы о себе, препоручая её медицине, педагогике, государству (в виде абстрактной заботы о человеке). И только за счёт исчерпанности новоевропейских систем нормирования задаётся возможность возвращения к «искусствам существования», касающимся конкретных поступков, а тем самым — возможность индивидуальной свободы. Ситуацию возвращения должна, согласно мысли Фуко, подготовить мыслительная деструкция этих систем и поиск осмысленных альтернатив, поскольку любой другой ход рискует модернизировать традиционную систему установлений. Стратегии субъективации, обозначенные Фуко, это ещё и поле его собственного человеческого и интеллектуального опыта.

Какое же содержание вкладывает сегодня Фуко в концепт заботы о себе? Фуко — историк настоящего. Из этого проистекали его исследовательские замыслы:

а) воссоздать археологию современных знаний о субъекте;

б) расшифровать генеалогию современной власти и всей современной западной цивилизации;

в) написать особую онтологию настоящего, которая мыслится областью пересечения трёх онтологий: онтологии субъекта в его отношении к самому себе; онтологии субъекта в его отношении к другим людям и институтам в поле власти; онтологию субъекта в его отношении к истине в поле знания.

Творчество Фуко проходит под знаком трёх заимствованных у Канта вопросов: что можно знать? что следует делать? что есть человек? В соответствии с этой последовательностью история мысли самого Фуко распадается на три периода: археологический, генеалогический и период эстетик существования. Тема заботы о себе появляется у Фуко в третий период. Отметим, что тема субъективации у Фуко не сводилась к призыву «познай самого себя», известному со времён дельфийского оракула. В устах философа это был призыв не просто к познанию, а к постоянной практической работе переделывания себя для того, чтобы быть способным к встрече с истиной. Таким образом, устанавливалась связь между новыми концепциями субъективности и представлениями о статусе интеллектуала в современном обществе. Фуко никогда не говорил о субъекте вообще, но всегда о тех или иных исторически конкретных формах субъективности — субъекте безумном, преступном, патологическом, живущем, говорящем, трудящемся, вожделеющем, мыслящем. О субъекте, являющемся продуктом какой-то определённой работы, эффектом какой-то насущной проблемы.

Представление Фуко о субъекте переключается, на наш взгляд, с представле-

ниями его известного соратника П. Бурдьё, согласно которому субъект также имеет историческую природу, и его содержание составляют практики жизнедеятельности, структурированные по принципу полей. Концепция субъекта у Бурдьё получила своё развитие в концепте габитуса, что есть свёрнутый в сознании агента определённый ансамбль привычных способов действовать, а опыт сознания производится агентом, а не сознанием. Дорефлексивные предзнания не являются свободным выбором чистого разума, здравого и расчётливого, но функционируют как диспозиции, выросшие из привычек, и склоняют действовать определённым образом в той же мере, что и думать¹³.

Субъект, Субъективность, Субъективация. Согласно мысли Фуко, субъект не является безличной трансисторической величиной, но всегда оказывается продуктом определённого исторического опыта. Этот опыт складывается на пересечении трёх онтологий или трёх форм отношений: отношения человека к самому себе, отношения власти и отношения знания. Предметом его исследования, как мы отмечали выше, является конкретный субъект, то есть субъект, который является продуктом конкретного исторического опыта. Показанный Фуко исторический опыт безумия — это один из вариантов истории формирования современного субъекта в его отношениях с разумом. В поле этого опыта движутся прежде всего силы власти и знания, поэтому разумный/безумный субъект рождается как продукт их трансформаций. Именно поэтому Фуко предпочитает говорить не

о субъекте, а о субъективации. В беседе с Ж. Барбеттом и А. Скала, имевшей место в мае 1984 г., Фуко так определил понятие субъективации: «Субъективацией я назову процесс, посредством которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря — субъективности, каковая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания»¹⁴. Субъективация — это складывание субъективности, субъекта. Из такого определения субъективации следует, во-первых, что до этого процесса субъекта, субъективности не существует и, во-вторых, что сама субъективность, а с ней и субъективация, есть «одна из заданных возможностей организации некоего самосознания»¹⁵.

Фуко различает внешнюю и внутреннюю субъективацию.

Внешняя субъективация, по Фуко, производится практиками разделения и объективирующими процедурами в исследованиях, которые, по существу, также являются практиками, принятыми в теоретическом знании. Способы субъективации в античной морали Фуко раскрывает через понятие «использование удовольствий». Наряду с процессами, которые формируют индивиды в качестве объекта приложения разнообразных техник власти, Фуко исследует и внутренние факторы, позволяющие индивиду определиться по отношению к внешнему миру, т.е. стать субъектом своих собственных действий, желаний, целей и т.д.

¹³ Шматко Н.А. Послесловие / Бурдьё П. Практический смысл; пер. с франц. А.Т. Бикбова [и др.]; под ред. Н.А. Шматко. СПб., 2001. С. 239.

¹⁴ Фуко М. Субъект и власть / Интеллектуалы и власть: в 3-х ч. М., 2006а. Ч. 3. Статьи и интервью, 1970–1984; пер. с франц. Б.М. Скуратова. С. 173.

¹⁵ Голенков С.И. Понятие субъективации Мишеля Фуко [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://www.phil63.ru/ponyatie-subektivatsii-mishelya-fuko>

Процессы внутренней субъективации протекают иначе, нежели внешнее объективирование. В этих процессах субъект выступает активным началом, тогда как в процессах внешней субъективации он представлял собой всего лишь точку приложения разнообразных практик власти. Фуко в работе «Этика заботы о себе как практика свободы» (1984 г.) пишет о том, что его интересует способ, каким субъект складывается активно, через практики самости¹⁶. Эти «практики самости» он обозначает термином «техники себя» и подробно анализирует в «Истории сексуальности» во втором и третьем томах на примере складывания морального субъекта.

Моральный субъект появляется благодаря внутренней субъективации, которая представляет собой «техники себя» (или «технологии себя»), посредством последних «субъект конституирует себя в качестве такового». В них «речь идёт об образовании себя через разного рода техники жизни». Под «техниками жизни» Фуко понимает «практики рефлексивные и произвольные, с помощью которых люди не только устанавливают себе правила поведения, но стремятся также преобразовывать самих себя, изменять себя в своём особом бытии и делать из своей жизни произведение, которое несло бы некие эстетические ценности и отвечало бы некоторым критериям стиля»¹⁷. Решающее значение здесь, по мысли Фуко, имеют проблематизации. Задача истории мысли —

в отличие от истории поведений или представлений — определить условия, внутри которых человеческое существо «проблематизирует» то, что оно есть, что оно делает, определить мир, в котором оно живёт¹⁸.

Пытаясь «схватить» в понятии то, что делает из человеческой жизни произведение, Фуко называет эти процессы становления субъекта по-разному — «техники себя», «технологии себя», «техники жизни», «искусства существования», «стилистики существования»¹⁹. Благодаря этим «техникам себя» и происходит становление морального субъекта.

В работах начала восьмидесятых годов Фуко разрабатывает этику заботы о себе, мысля её как действенную практику свободы. В «Использовании удовольствий» он говорит, что в жизни бывают моменты, когда, чтобы продолжать смотреть или размышлять, нельзя обойтись без вопроса: можно ли мыслить иначе, чем мыслишь, и воспринимать иначе, чем видишь? Но что же тогда такое философия сегодня, если не критическая работа мысли над собой, если она состоит не в том, чтобы попытаться узнать, как и до каких пределов можно было бы мыслить иначе? Философия — это опыт, изменяющее самого мыслителя испытание, это аскеза, упражнение себя в мысли. Перечислим некоторые из таких практик, процедур, которые рассматривает Фуко в своих работах. Процедуры «испытания себя» составляют содержание одной из таких практик. Наряду с этими испытательными практиками Фуко описывает практики «самоанализа». Наконец, он рассматривает технику «работы мысли над собой»,

¹⁶ Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы / Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3-х ч. М., 2006б. Ч. 3.; Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984; пер. с франц. Б.М. Скуратова. С. 241–270.

¹⁷ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет; пер. с франц. С. Табачниковой. М., 1996. С. 280.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 280; 377–378.

которая выступает не просто испытанием способностей или оценкой изъятий в правилах поведения. Она представляет собой рефлексию своих собственных представлений на предмет соответствия их, с одной стороны, принятым на себя правилам поведения, значимым нормам и ценностям, с другой стороны, реальному состоянию дел. Цель этой практики мысли состоит в оценке ситуации, чтобы затем «принять на себя только то, что зависит от свободного и разумного выбора субъекта»²⁰.

Таким образом, общая цель всех этих практик определяется единым ключевым принципом обращения к себе: *epistrophe eisheuton* (греческое — возвращение к себе, в том числе и забота о себе)²¹. Что означает этот призыв обращения к себе?

Здесь ясно различимы три аспекта. Во-первых, требование заботиться о себе вменяется людям, обладающим (помимо политических и экономических) культурными возможностями, то есть образованной элите, во-вторых, забота о себе — дело элиты нравственной.

Второй аспект «заботы» разделяется на два взаимосвязанных момента: а) определённое отношение к себе как смещение фокуса внимания с внешнего, окружающего мира и других на себя самого; б) неразрывно связанный с этим обстоятельством образ действий, осуществляемых субъектом по отношению к себе самому. Речь идёт о навыках, приобретаемых в результате повторения большого количества разнообразных упражнений и телесных практик, практика которых будет иметь в западной культуре,

философии, морали весьма долгосрочную перспективу.

Наконец, практика заботы о себе содержит определённый свод законов (появившихся как результат особых форм рефлексии), определяющих способ существования субъекта, его отношение к окружающему. Во втором аспекте заботы о себе можно различить известную ссылку на призыв «познай самого себя» дельфийского оракула, послужившего символом зарождения античной философии классического периода. Однако призыв к самопознанию неотделим от требования проявлять заботу о самом себе. «Познай себя» и «забота о себе» есть два вида требований, между которыми существует отношение взаимозависимости, однако самопознание в данной ситуации предстаёт лишь частным случаем требования заботы о себе как требование более общего характера. Самопознание есть лишь его конкретное применение. Такой тип заботы о себе воплощён в фигуре Сократа, который во всех случаях обращается к людям с вопросом: забота ли ты о себе? Именно забота о себе является первичной для практики философской жизни, для «философии в действии». Итак, прежде чем заботиться о самом себе, следует ответить на вопрос кто я? Во-вторых, акт самопознания немыслим вне методологического различения: к какому Я относится субъект заботы о себе? И, наконец, деятельность заботы о себе подразумевает ответ на вопрос: в чём состоит забота о себе? В изложении данных практик мы используем аналитику, удачно, с нашей точки зрения, проведён-

²⁰ Фуко М. История сексуальности—III: Забота о себе; пер. сфранц. Т.Н. Титовой, О.И. Хомы. Киев—М., 1998. С. 35.

²¹ Там же.

ную современным российским исследователем Д.В. Михелем²².

Как указывает исследователь Голенков, Фуко на большом материале показывает, что становления субъективности не есть процесс рефлексивно-познавательный, но в основе своей — практический, детерминированный не столько силой собственного разума индивида, сколько той социальной практикой, в которую он включён. Более того, становление индивида в качестве субъекта — это многосторонний и многоплановый процесс, в результате которого получается не единственный самоотжествленный субъект, но субъект множественный, внутренне расчленённый, благодаря тем практикам и техникам, которые определяли его или благодаря которым он определялся сам. С этой точки зрения субъективность можно рассматривать в качестве точки приложения практик и техник власти. Субъективностью обладает тот индивид, который признаёт себя (через процедуры идентификации и самоотжествления) в качестве субъекта той или иной практики²³.

ЗАБОТА О СЕБЕ И ВОСПИТАНИЕ

Две идеи имеют для нас, с точки зрения воспитания, особое значение. Первая — отрицание субстанциональности субъекта, утверждение его событийной природы. И вторая идея — рассмотрение особых видов активности как специфических практик субъекта, направленных на самотрансформацию в поисках исти-

ны. Истина, согласно Эпикуру, есть то, что приносит блаженство, избавляет от страхов, дарует покой. Следовательно, подлинное знание таково, что оно меняет сам способ бытия субъекта.

У Фуко мы находим специфическую разработку понятия «опыт». Как утверждает Милле, опыт у Фуко — это всегда опыт самотрансформации; «не существует такого опыта, который не являлся бы трансформированием и, прежде всего, трансформированием самого себя. «Трансформироваться» означает «стать другим»²⁴. Фуко среди этих практик самотрансформации, как известно, выделял практики диетыки, экономики и эротики. Именно в этих трёх сферах, по нашему мнению, происходит борьба субъекта со своими желаниями в поле знания-власти и сегодня.

ДИСКУРС ЗАБОТЫ О СЕБЕ И ВОСПИТАНИЕ. ПСИХОГОГИКА КАК НАУКА О ВОСПИТАНИИ

Ведущей формой социального присвоения дискурсов является система образования, которая, как считает Фуко, при всём её сегодняшнем декларированном демократизме, не рассчитана на то, чтобы обеспечить всеобщую общаемость каких угодно дискурсов всем желающим. Ясно, что речь идёт о современной школьной модели с характерными для неё специализацией и углублённым изучением узких областей знания. Фуко видит в этой системе образования политический способ

²² *Михель Д.В.* Мишель Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия» до «Заботы о себе»: материалы лекционных курсов 1996–1998 гг. Саратов, 1999.

²³ *Голенков С.И.* Понятие субъективации Мишеля Фуко [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://www.phil63.ru/popyatie-subektivatsii-mishelya-fuko>

²⁴ *Милле Ж. — Ф.* Опыт как само-техника (читая Фуко); пер. с франц. Е.Д. Вознесенской // Социо-Логос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М., 1996. С. 98–121.

поддержания или изменения форм присвоения дискурсов. Работая над концепцией «забота о себе», Фуко разработал проект (идею) особой дисциплины, которую он предложил назвать психогогикой. Учитывая особую важность этой идеи, остановимся на ней несколько более подробно.

В своей работе «Герменевтика субъекта» философ пишет: «Мы можем назвать педагогикой передачу такой истины, функцией которой является снабжение субъекта какими-либо отношениями, способностями, знаниями, которых он до этого не имел и которые должен будет получить к концу педагогических отношений. С этого момента психогогикой можно было бы назвать передачу такой истины, функцией которой будет не снабжение субъекта какими-либо отношениями, а, скорее, изменение способа существования субъекта»²⁵.

В эпоху греко-римской античности основное бремя истины в психологических отношениях приходится на долю учителя, который обязан подчиняться целому комплексу правил, чтобы говорить истину, чтобы истина могла произвести должный эффект. Основные задачи и обязанности возложены на того, кто произносит истинное суждение.

Что заставляет нас полагать, вопрошает Фуко, что истина существует? Назовём философией ту форму мысли, которая пытается не столько распознать, где находится истина, а где — ложь, сколько постичь, что заставляет нас считать, будто истина и ложь существуют и могут существовать. Назовём философией, говорит он, такую форму мысли, которая задаётся вопросом: «Что позволяет субъ-

екту постигать истину, ту форму мысли, которая стремится определить условия и предельные возможности постижения истины субъектом?» Если это назвать философией, то духовностью можно назвать тот поиск, ту практическую деятельность, тот опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для постижения истины. Тогда духовностью можно будет назвать совокупность этих поисков, практических навыков и опыта, которыми должны быть очищение, аскеза, отречение, обращение взгляда внутрь самого себя, изменение бытия, представляющие — не для сознания, а для самого субъекта, для его бытия — ту цену, которую он должен заплатить за постижение истины²⁶. С точки зрения Фуко, Сократ первым провозглашает тезис о необходимости в заботе о разумности души. Свою роль философия видит в том, чтобы граждане могли проявлять заботу о самих себе. Философ (читай воспитатель) превращается в посредника, организующего этот процесс, итогом которого должно быть появление свободного субъекта, способного обладать своей волей и принимать правильные решения. Философская практика IV–V вв. состоит в воздействии учителя на своего ученика с целью обеспечения необходимых условий для его духовной трансформации. Фуко, называя эту практику психогогикой, констатирует, что в античном обществе психогогика и педагогика дополняют друг друга. Античная педагогика заключается в передаче учителем истины своему ученику.

В эллинистическую эпоху фигура наставника ставится под вопрос. Её заменяет самореализация субъекта, которая

²⁵ Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций в Коллеж де Франс: Выдержки, 1982; пер. с франц. И.И. Звонаревой М.: Социологос 1991. С. 284–311.

²⁶ Там же. С. 311.

всё больше является социальной практикой. На месте посредника в процессе заботы о себе могут оказываться не только философы, но и другие люди и даже книги. В христианстве первых веков происходит разрыв между психологией и педагогией. Истина перестаёт сообщаться душе, но в тех случаях, когда она находится под психологическим воздействием, она сама становится способной говорить эту истину. Сутью же педагогики становится снабжение субъекта какими-либо отношениями, а позже — знаниями.

В «Воле к знанию» и, очевидно, в «Признаниях плоти» (в качестве четвёртого тома «Истории сексуальности», который не был опубликован при жизни Фуко согласно его завещанию), учёный показывает трансформацию христианской психологии в практику пастырской власти, наиболее полно способствующей историческому преобразованию искусства заботы о себе в процедуры самопознания.

Общим пафосом этих размышлений Фуко было стремление понять, каким образом в современную эпоху на повестке дня появился вопрос об истине субъекта и сложились те виды герменевтики, которые нацелены на построение истинных суждений о субъекте безумном или преступном, субъекте, который живёт, говорит и трудится, наконец, о том субъекте, которым человек бывает непосредственно в присутствии самого себя и в индивидуальном плане. Психология, согласно Фуко, должна вернуть субъекту прерогативу заниматься практиками «самотрансформации», чтобы быть в состоянии постигать истину, по-

нимаемую как истинное положение дел, включая и истину о себе.

Принцип заботы о себе является основой рационального поведения субъекта. Не случайно в античности полагали, что стать способным управлять другими, управлять полисом возможно только в том случае, если прежде ты научишься управлять собой.

Практики заботы о себе предполагают практики самотрансформации, перевода себя в иное состояние. Они включают в себя несколько моментов.

Первый акт — переключение взгляда и следующая за ним альтернатива.

Второй акт — определённый образ практических действий, осуществлённых субъектом по отношению к самому себе (очищение, аскеза, отречение).

Третий акт — преобразование, которое осуществит в себе субъект, можно назвать духовностью.

Основную мысль в философских рефлексиях, связанных с концептом «забота о себе», Фуко высказал в одной из своих последних работ. И эта мысль звучит как призыв разрабатывать онтологию нас самих. «Критическая онтология нас самих, разумеется, должна рассматриваться не как теория, не как доктрина и даже не как постоянный корпус накапливаемых знаний; её следует понимать как установку, этос, философскую жизнь; когда критика того, что мы представляем из себя, одновременно является историческим анализом поставленных нам границ и изучением возможностей их перехода»²⁷. Эта философская установка должна реализоваться в различного рода изысканиях. Я не знаю, можно ли сегодня говорить о том, что критиче-

²⁷ Фуко М. Что такое просвещение; пер. с франц. Е. Городецкого. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nachala.txt>

ская работа всё ещё предполагает веру в Просвещение; но мне кажется, что она по-прежнему требует работы с нашими собственными пределами — терпеливого труда, придающего форму нетерпению свободы²⁸. Если подводить промежуточный итог нашим изысканиям, то именно этими словами, на наш взгляд, можно выразить краткое содержание призыва, обращённого к современному субъекту: забота о себе есть по существу забота о собственных пределах. И если дискурс самоопределения вызывал обращение к самосохранению этих пределов, то дискурс, на который мы хотели бы обратить внимание, есть призыв к испытыванию границ. Указать на то обстоятельство, что между ними — двумя указанными видами дискурса — разрыв, это и было нашей основной задачей.

На исходе своей жизни в интервью «Забота об истине» Фуко высказал самые существенные идеи о назначении интеллектуала. Задача интеллектуала — «отделять себя от самого себя», изменять свою собственную мысль и мысль других, но не путём внезапного озарения, которое раскрывает глаза, а выработкой себя собою, усердной трансформацией, медленным и требующим

усилий изменением посредством постоянной заботы об истине.

Там же он добавил, что роль интеллектуала состоит не в том, чтобы говорить другим, что им делать, то есть не быть пророком и интеллектуальным диктатором. Работа интеллектуала не в том, чтобы формировать политическую волну других, а в том, чтобы с помощью анализа, который он проводит в своих областях, заново вопрошать очевидности и постулаты, сотрясать привычки и способы действия и мысли, заново переоценивать правила и, исходя из этой репроблематизации, в качестве гражданина участвовать в формировании некоторой политической воли.

«Быть одновременно и преподавателем университета, и интеллектуалом — это пытаться заставить играть тот тип знания и анализа, который преподаётся и принимается в университете, таким образом, чтобы изменять не только мысль других, но и свою собственную. Эта работа по изменению своей собственной мысли и мысли других и представляется мне смыслом существования интеллектуала»²⁹. Мысль, которую мы, вслед за Фуко, разделяем.

²⁸ Фуко М. Что такое просвещение; пер. с франц. Е. Горюшкового. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nachala.txt>

²⁹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет; пер. с франц. С. Табачниковой. М., 1996. С. 319.